

8-й годъ изданія.

Цѣна отд. № въ Петербургѣ и въ провинціи — ДВѢ коп.

СОВРЕМЕННОЕ СЛОВО

СУББОТА, 12 іюля 1914 г. № 233

СУББОТА, 12 іюля 1914 г. № 233

Дальнейшая судьба некоторых чеховских героев.

Очень интересно проследить за тем, что стало с нашими дри с чеховскими героями.

Гасев за истекшие десять лет совсем выжили из ума, но устроился прекрасно. Он стал видным членом объединенного дворянства и даже сочинил какой-то изумительный проект о бесплатном предоставлении всем потомственным дворянам роскошных салон-вагонов для разъездов по России и бесплатного же их кормления с выпивкой на всех вокзалах. При этом обязательно подавать свяжкую зернистую икру и донской осетровый балык.

Симеонов-Пищик, несмотря на то, что ведет свой род по прямой линии от орловского рысака, пристал не к объединенному дворянству, а к националистам и выхлопотал себе такой сверхъестественный соловесельный кредит, что даже известный австрийский революционер граф В. Бобринский позеленел от зависти.

Симеонов-Пищик все еще врет в то, что Ницше совбтовал прыгать с крыши, только теперь он в качестве правого националиста прибавляет:

— А ведь Ницше был жид!

На что Савенко убежденно замечает:

— Разумеется, жид! об этом сама Вара Владимировна говорила.

Епиходов—тот в октябристы пошел и все т же «22 несчастия» проследуют его.

Помал он как-то в покойному премьеру Столыпину на чашку чю, а ему в чашку такая гадость попала, что и сказать нельзя.

Епиходов поперхнулся было и зашамкался. Его превосходительство обезпокоился и спросил:

— Что с вами, Епиходов?

— Ничего, ваше превосходительство, не извольте беспокоиться—с трудом проговорил Епиходов весь красный с вышучиваньем от ужаса глазами—это... это... чайник попалась...

И тут же все проглотил и постарался улыбнуться.

Но однажды, когда Епиходов пришел

опять, ему сказали, что в его услугах больше не нуждаются.

И, действительно, в передней стоял уже лидер националистов и подавал галоши его превосходительству.

Было ясно, что Епиходова рассчитали даже без предупреждения...

— Теперь я знаю, что мне сделать с моим девольвером!—сказал он.

Понурый и растерянный пошел Епиходов домой, вынул из кобуры старый бурский револьвер (А. И. Гучков ему подарил на память о третьейюнской побьде), тщательно осмотрел его, стер пыль, вычистил и...

Мы знаем, что сделал бы Епиходов со своим гучковским «девольвером», если бы в эту минуту не вошел в пему Шубинской.

— Ах, Епиходов, у вас тоже есть револьвер! Знаете, когда меня Милуков в Думу на всю Россию называл... Ну, все равно, как называл, знаете, что я ответил? Я сказал:

«Если бы у меня при себе был револьвер, я бы знал, что мне сделать с моим револьвером».

— А у вас не было револьвера?

— Говоря по правде—был. Но только частным образом, официально же не было, ибо не присвоено нам ношение огнестрельного оружия, поэтому я и сказал, что у меня нет револьвера. Да оно, кстати, и безопасно.

— Как хотите, Николай Петрович, хныкал Епиходов,—а я знаю, что мне теперь сделать с моим девольвером...

— И я знаю!—сказал Шубинской—мы его подбросим кадетам и донесем...

Фельдшер из «Хирурга» сделал весьма неожиданную карьеру.

Он занял какую-то должность по хозяйству в одном из специальных высших учебных заведений.

Мало-по-малу он пробрался в смотрители зданий, сумел подладиться к начальству, укрепил свое положение доносом и стал на виду даже у центрального петербургского начальства. Он сумел совершенно завладеть директором. Профессора новейшей формации, доподлинно знающие, где вымуют раки, бы-

стро поняли, в чем сила, и стали обращаться к фельдшеру за протекцией.

Фельдшер переводил профессоров с места на место, давал и отнимал казенные квартиры, устанавливал благонадежность и неблагонадежность и вообще быстро покорил себя под новыми высшее учебное заведение и измылся над мужами науки точно над темными деревенскими мужиками и бабами, являющимися к фельдшеру со своими болястями.

Кончилось тем, что, когда один из профессоров пробовал было возрвать против всемогущего фельдшера, то профессор этот вскоре скончался с признаками странного отравления.

Фельдшера заподозрили, судили и оправдали, но попутно на суд раскрылась вся удивительная эпопея завоевания фельдшеров высшего учебного заведения.

Вот какую карьеру сделал человек, во дни Чехова не шедший дальше вырывания здорового зуба вместо больного, да и то у такой неважной птицы, как отец диакон.

А унтер Пришибеев, представьте, пошел в гору и сделал карьеру совершенно феерическую.

Каким-то сверхъестественным путем Пришибеев оказался генерализованным. Никакой мировой судья его давно уже судить не смеет, и чтобы он ни выкинул, все ему сходит с рук.

Пришибеев теперь на всех кричит, даже на сенат как-то прикрикнул и ничего. Императору Вильгельму по какому-то случаю одобрительную телеграмму отправил. Когда узнал, что в гимназии ученики сочинили юмористическую стишку с намеками на «человека в футляре», то Пришибеев немедленно взял приступом гимназию, а для более удобного развертывания военных действий спеш артиллерийским огнем мшавшую ему обывательскую дачу.

Что же касается «человека в футляре», то он вошел в большую силу, выписывает целыми вагонами сочинения Пушкинчича и генерала Нечволодова. Принуждая всех учителей средних и народных школ, а также и частных учебных заведений уничтожать портреты Пушкина и Толстого, где таковые имеются, он приказывает везд, во всех школах вывешивать портреты Пуришновича Юсевича-Красовского и Гоиго-

рия Распутина с собственноручными афоризмами последнего (факсимиле), причем приказано руководствоваться оными, как прописями для чистописания и орфографии.

Ах, эти милые чеховские пытки, хмурые, скучные, но все же милые... Чехов умер, а через какой-нибудь год над ними пронеслась гроза девятьсот пятиуго года и многих из них волекла в свой водоворот...

И уж раз отдавая политики, никак отделиться от нея не могут.

И господин Апломбов, Эпямионд Максимыч, этот жених из «Свадьбы», теперь в большую политику пустился.

Он открыл кассу ссуд; но как благородный человек как-то так устроил, что набравшиеся у него ценные залоги исчезли, по векселям, учтенным им в обществе взаимного кредита, он не заплатил ни копья и был объявлен несостоятельным должником.

Но вскоре оказалось, что Апломбов видный член ультра-патриотического общества «Двуглавый Орел», что и в полиции, и у жандармского штаб-офицера и даже в канцелярии господина губернатора он как у себя дома, что по его указаниям и определяют на службу, и увольняют, и даже высылают, и в конце концов он, будучи несостоятельным должником, ухитрился устроить уж и кассу ссуд, а банкирский дом, который усердно рекламировался в газете «Колоколь», и, необыкновенно быстро обобрав своих клиентов, Апломбов опять объявил себя банкротом и всецело вернулся к патриотической деятельности.

Бывший телеграфист Ять привлек было очень шумное участие в почтово-телеграфной забастовке, но затмил выдал всех своих товарищей, преуспев по службе и теперь считается одним из лучших перлюстраторов.

Молодой человек, столь неудачно обнаруживший свои осынные способности в рассказе «Шведская опичка», где он на основании одной обгорелой шведской опички, найденной на полу, восстановил страшную картину убийства человека, которого исправника прятала в бане живехонького для амурных надобностей.

Этот молодой человек теперь острод-

ничает в «Погоде Времени», где и заведует отделом ритуальных.

Это он редактировал телеграммы Лайзла из Фастова и это ему соревнует Розанов пустил в ход своего Беренса.

Профессор Серебряков, который двадцать пять лет писал об искусстве, ничего в нем не понимал, стал октябристом, а Андрей Сергеевич Полозов, брат «Трех сестер», пошел в прогрессисты, вследствие чего должен был выйти из земства, так как губернатор его посл послдних выборов не утвердил.

Зато Боркин посл смерти Иванова пошел в ход. Он орудует в земстве во-всю, сам для себя на подставных лиц берет подкиды, состоит председателем местного отдела союза Михаила Архангела; губернатор без него ни шагу, и если только не попадет под уголовный суд, то сделает большую карьеру.

Писатель Тригорин стал маститым, но все боится отогать. Новых течений в литературе он решительно не понимает, но дласть вид, что очень им сочувствует и что он разбирается даже в таких экстравагантностях, которые по своей нарочитости и бессмысленности самими авторами в минуты откровенности признаются за предумышленное озорство.

— Конечно, в наше время мы, теперь представители старшего поколения, воспринимали, чувствовали и писали иначе, но это не мешает нам отдавать должное и тем писателям современности, которые находят, что в сочетании звуков «фывапролдж» заключается глубокий, невыразимый обычными словами смысл. Мой покойный друг Тренслет...

— Позвольте, а вы знаете, что значить «фывапролдж»?—спрашивают Тригорина.

Тригорин глубокомысленно морщит лоб:

— Видите ли... ошибочно думать, что нам все дано знать и что нам мозг ограничен пределами того, что мы знаем, или даже пределами познаваемого. Естественно, что наши преэмнии проникают дальше нас в глубь...

Но и преэмнии не поддается на заигрывания Тригорина и, непочтительно садясь, прерывает его:

— Но ведь «фывапролдж» полно и

чего означать не может. Это просто ряд букв с регистра пишущей машины.

Тригорин конфузится, но быстро оправляется:

— Это неважно. Дух дышит, где хочет. И в случайном наборе букв может быть заключено сокровенное содержание. Мы принадлежим к другому поколению, но мы ничего чужого века зачать не желали и, если молодость находить...

— Ятсмитбю.

— Этого звуносочетания я не понимаю, но...

— Это тоже с пишущей машины.

Учитель Кузыгин опять запустил усы и давно уже состоит инспектором. Маша смирилась и только изредка вспоминает Бершинина, который вышел в отставку в чин полковника. Генерал-майора Бершинина не получил, так как в 1905 году он не обнаружил достаточной стремительности, хотя ни в чем предосудительном не был замечен.

Штабс-капитан Соловьев, наоборот, выдвинулся своей неутомительностью, имеет уже чин полковника и на отличном счету, но в полку его не любят.

Лопухин очень широко развил свои операции. Он, конечно, тоже зачислился в националисты, мечтает о том, чтобы купить Лазий сад, вырубить его и устроить на его месте дровяной двор. Мраморный статуй пережечь на известку, а «Дедушку Крылова» продать на весь. Мечтает он также о том, чтобы музей Александра III использовать под винетогграф-бюскот, а Эрмитаж—под усовершенствованный кинетофон.

Лакей Раневской, тот самый, о котором Гасев говорил, что от него «курицей пахнет», занялся биржевой игрой, разбогател и принял в лучшем обществе, где считается финансовым гением и биржевым аракузом.

В одном из салонов, он представил и «природную пародию смету» и «здоровый русский ум». Так как там все пропахло элем и лампадным маслом, то никто не замечает, пахнет ли от этого финансиста курицей.

Вот пока все, что мы успели узнать.

Джон Браунинг